Пелам Гренвилл

ВУДХАУС

Дживс и феодальная верность

Пелам Вудхаус

Дживс и феодальная верность

Серия «Дживс и Вустер»

Издательский текст
https://litres.ru/4387435
Дживс и феодальная верность; Тетки – не джентльмены; Посоветуйтесь с Дживсом!: Астрель; М.; 2012
ISBN 978-5-271-40136-7

Аннотация

В который уже раз неприятности обрушиваются на голову Берти Вустера одна за другой: он снова оказывается в полицейском участке, ему опять грозят ненавистные брачные узы, а очередное задание любимой тетушки Далии связано с немалым риском. Но рядом с Берти верный Дживс, готовый выручить хозяина из любой передряги.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Пелам Гренвилл Вудхаус
Дживс и феодальная верность

Глава 1

Если бы я стал утверждать, будто тогда в ванне, задумчиво намыливая пятку и распевая, помнится, лирическую песню «Белые ручки любил я на берегу Салимара»[1], я был в жизнерадостном настроении, этим я бы только ввел в заблуждение читающую публику Нет, ведь меня ждал вечер, не суливший ничего доброго ни человеку, ни зверю. Тетя Далия[2] прислала мне из своего загородного дома Бринкли-Корт, что в Вустершире, письмо, в котором просила в порядке личного одолжения накормить ужином ее знакомую супружескую чету по фамилии Троттер.

Тетя Далия сама признавала, что они совершенно несносны и уморят меня своим занудством, но их необходимо обаять, так как она в настоящее время ведет сложные деловые

---

[1] Популярная песня на стихи Лоренс Хоуп (1865–1904) «Кашмирская невеста». *–Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Имена собственные и географические названия в этом сборнике даны в редакции переводчиков. *–Примеч. ред.*

переговоры с мужской половиной, и тут пойдет на пользу любая мелочь. «Так что уж, пожалуйста, не подкачай, мой добрый доблестный Берти» – на такой жалостной ноте кончалось ее письмо.

А поскольку тетя Далия – это моя хорошая, достойная тетка (не путать с тетей Агатой, той, что зубами раздирает крыс и пожирает собственное потомство), когда она пишет: «Не подкачай» – я не подкачиваю. Но как я уже признался выше, перспектива вечера с Троттерами мне совсем не улыбалась. Я рассматривал ее как проклятие, павшее на мою голову.

Тем более что прошедшие полмесяца я уже и так прожил в подавленном состоянии из-за отсутствия Дживса, который отбыл на летний отдых. Ежегодно в первых числах июля он прекращает работу бросает инструмент и отправляется в Богнор-Риджис ловить креветок, а меня оставляет в положении того поэта, про которого мы учили в школе, что он постоянно оставался без своих газелей[3]. Бертрам Вустер без своего неизменного помощника превращается в тень самого себя и совершенно не в силах сладить с какими-то Троттерами.

Об этих Троттерах, кто бы они, черт их побери, ни были, я и размышлял с сердечным сокрушением, уже перейдя от левой пятки к левому локтю, когда из спальни до моего слуха донесся осторожный звук шагов, отчего я сразу встрепенулся, вскинул голову, охваченный дивным волнением, и мыло замерло у меня в кулаке. Раз по моей спальне кто-то осто-

[3] Намек на строки из поэмы Томаса Мура «Лалла Рук».

рожно ходит, это может означать лишь одно – если, конечно, исключить внеплановый визит грабителя, – а именно, что из отпуска, загорелый и посвежевший, возвратился надежный столп дома сего.

За стеной тихо кашлянули в подтверждение моей правоты, и я в полный голос спросил:

– Это вы, Дживс?

– Да, сэр.

– Вернулись наконец?

– Да, сэр.

– Добро пожаловать в дом номер три «а», Беркли-Меншенс, Лондон, W. один! – провозгласил я, испытывая примерно то же чувство, что и пастух, когда заблудшая овца трусцой возвращается к нему в овчарню. – Хорошо отдохнули?

– Вполне, благодарю вас, сэр.

– Расскажете мне при случае, как вы там проводили время.

– Непременно, сэр, когда вам будет угодно.

– То-то я, наверно, заслушаюсь. А сейчас вы что делаете?

– Вам только что пришло письмо, сэр, я положил его на туалетный стол. Вы сегодня ужинаете дома, сэр?

– Да нет, к несчастью. У меня встреча с четой неизвестных зловонных пузырей, которым покровительствует моя тетя Далия. Так что можете, если хотите, идти к себе в клуб.

Как я уже однажды упоминал в своих мемуарах, Дживс

состоит членом очень избранного клуба лакеев и дворецких под названием «Ганимед», расположенного на Керзон-стрит, и я понимал, что после столь долгого отсутствия ему теперь не терпится рвануть туда, пообщаться с приятелями, возобновить знакомства, ну и так далее. Я, например, побыв вне города неделю, по возвращении первым делом устремляюсь к «Трутням».

– Представляю, какой горячий прием вам окажут однoклубники, споют вам «Хей нонни-нонни» и «Ча-ча-ча», – сказал я. – Вы, кажется, упомянули, что мне пришло письмо?

– Да, сэр. Его только что доставили с посыльным.

– Похоже, что-то важное, а?

– Такое предположение напрашивается, сэр.

– Распечатайте и зачитайте, что там.

– Очень хорошо, сэр.

Последовала полутораминутная заминка, во время которой, поскольку на душе у меня полегчало, я успел исполнить «Выкатывайте бочку», «Я люблю мою красотку» и «Каждый день я приношу тебе фиалки» в порядке перечисления. Наконец сквозь стену просочился голос Дживса:

– Письмо изрядной длины, сэр. Быть может, довольно будет, если я вкратце передам его содержание?

– Валяйте, Дживс. Перехожу на прием.

– Письмо от некоего мистера Перси Горринджа, сэр. Если опустить не идущие к делу подробности, мистер Горриндж желает позаимствовать у вас одну тысячу фунтов, сэр.

Я вздрогнул. Мыло выскользнуло у меня из пальцев и с глухим стуком приземлилось на банном коврике. Это сообщение без предварительной подготовки мгновенно лишило меня присутствия духа. Не часто случается, что у человека пытаются стрельнуть такую исполинскую сумму: пятерка до будущей среды – вот обычный тариф.

– Как вы сказали, Дживс? Тысячу фунтов? Да кто он такой, этот тип? Я не знаю никаких Горринджей.

– Из текста письма следует, сэр, что вы и этот джентльмен между собой лично не знакомы. Но он является, по его словам, пасынком некоего мистера Л. Дж. Троттера, которого якобы знает миссис Трэверс.

Я кивнул – бесполезно, поскольку Дживсу меня было не видно.

– Да, тут его не опровергнешь, – признал я. – Тетя Далия действительно знакома с Троттером. Это тот самый тип, которому она просила меня засыпать сегодня вечером овса в кормушку. Что верно, то верно. Но отсюда вовсе не следует, что я буду нянчить его пасынка и позволю ему совать лапу в мой бумажник. У нас с Л. Дж. Троттером совсем не такие близкие отношения, когда, как говорится, твой пасынок – мой пасынок. Согласитесь, Дживс, стоит раз дать в долг одному пасынку – и что получится? В кругу близких и дальних родственников разнесется весть, что ты кормилец и поилец, – и все сестры, тетки, племянники и дядья обступят тебя со всех сторон, спеша отхватить свое, да кого-нибудь еще, гля-

дишь, и затопчут в свалке. Тут у нас будет не дом, а сплошное кровопролитие.

– В том, что вы говорите, много правды, сэр, но автор письма хлопочет не столько о ссуде, сколько о вложении капитала. Он предлагает вам вложить деньги в театральную постановку по роману леди Флоренс Крэй «Спинола» в его сценической обработке.

– Ах вот оно что! Понятно. Я начинаю улавливать смысл.

Эта самая Флоренс Крэй приходится… ну да, можно сказать, что она приходится мне чем-то вроде сводной двоюродной, вернее, троюродной или даже четвероюродной сестры. Она дочь лорда Уорплесдона, а старик Уорплесдон недавно, в минуту умственного помрачения, женился на моей тете Агате, en secondes noces[4], так это, если не ошибаюсь, называется. Флоренс – из так называемых интеллектуалов, то есть из тех девиц, у которых черепушка до отказа набита серыми клеточками, в прошлом году она, то ли вдохновленная небесным огнем, но скорее просто чтобы отгородиться от мыслей о моей тете Агате, накатала роман, и он был принят на ура нашей уважаемой интеллигенцией, которая, как всем известно, восторгается разной немыслимой дребеденью.

– Вы читали роман «Спинола»? – спросил я Дживса, изловив мыло.

– Пролистал, сэр.

– Что вы о нем думаете? Не стесняйтесь, Дживс, говорите

[4] Вторым браком (*фр.*).

прямо. На букву «д», так?

– Я бы все-таки не употребил этого слова, на которое вы, сэр, по-видимому, намекаете, но мне он показался произведением не вполне зрелым и слегка, я бы сказал, бесформенным. Лично я в своих предпочтениях склоняюсь больше к Достоевскому и великим русским романистам. Однако сюжет не лишен некоторой занимательности и, вполне возможно, будет небезынтересен для театральной публики.

Я задумался. В памяти у меня что-то забрезжило – но что? Наконец я вспомнил.

– Вот я чего не понимаю, – сказал я. – Мне отчетливо помнится, тетя Далия как-то говорила, что, по словам самой Флоренс, какой-то продюсер уже взялся поставить в театре драматическую обработку ее романа. Помню, я еще сказал: «Вот дурень-то». Но если это так, чего ради Перси так суетится и лезет к людям в карманы? Для чего ему тысяча фунтов? Тут какая-то загадка, Дживс.

– В письме джентльмена она как раз объясняется, сэр. Один из членов синдиката, финансирующего постановку, принявший на себя обязательство именно на эту сумму, оказался неплатежеспособен. В театральном мире, как я понимаю, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Я снова погрузился в раздумья, проливая на себя губкой потоки воды. Тут напрашивался еще один вопрос.

– Но почему Флоренс не направила Перси к Чеддеру? Ведь она с Чеддером помолвлена. Казалось бы, к кому и об-

ратиться за подмогой, как не к тому, кто связан с тобою узами любви?

– Возможно, у мистера Чеддера нет свободной тысячи фунтов, сэр.

– Верно. Я, кажется, понял, к чему вы клоните, Дживс. У него нет, а у меня есть?

– Вот именно, сэр.

Положение более или менее разъяснилось. С фактами в руках я мог теперь оценить поступок Перси как вполне разумный. Если тебе надо раздобыть тысячу фунтов, первое условие успеха – обратись к человеку, у которого эта тысяча имеется. А Перси, несомненно, слышал от Флоренс, что у меня денег куры не клюют. Ошибка же его состояла в другом: он вообразил, что я простофиля из простофиль и швыряю крупные суммы направо и налево всем и каждому, как хлебные крошки голубям.

– Вы бы стали финансировать театральную постановку, Дживс?

– Нет, сэр.

– Вот и я тоже не стану. Я отвечу ему решительным отказом, правильно? И денежки мои останутся лежать в старом кованом сундуке, как вы считаете?

– Я бы, безусловно, поддержал такое решение, сэр.

– Так и сделаем. Пошлем Перси подальше. Пусть выкусит. А теперь к более насущному делу. Пока я одеваюсь, не смешаете ли мне бодрящий коктейль?

– Разумеется, сэр. Мартини или мой особый?

– Второй.

Я ответил твердо и без колебаний. Дело было не только в том, что мне предстоял вечер в компании супругов, которых сама тетя Далия, прекрасно разбирающаяся в людях, определила как людей несносных. Мне необходимо было подкрепиться еще и по другой причине.

Последние дни перед возвращением Дживса я все отчетливее понимал, что наша надвигающаяся встреча лицом к лицу потребует от меня всей имеющейся в наличии твердости духа и воли к победе. Если я хочу взять верх, для этого надо пойти на все, не жалея средств.

Известно ведь, как бывает, когда два человека с сильными характерами живут бок о бок в постоянном соприкосновении, – если «соприкосновение» здесь подходящее слово. Возникают разногласия. Борьба воль. Тут и там сыплются и катятся яблоки раздора. И одно такое яблоко, как я отлично понимал, несомненно, выкатится на сцену, как только я покажусь Дживсу на глаза, – тут уж никаких мартини, при всех их бесчисленных достоинствах, не хватит на то, чтобы я мог выдержать предстоящее испытание.

Я не без волнения промокал влагу и облачался в одежды, и когда по прошествии четверти часа вошел в гостиную, не сказать чтобы весь дрожал мелкой дрожью, но определенно ощущал некоторую нервозность. Появился Дживс с бальзамом на подносе, я рванулся к стакану, точно дрессирован-

ный тюлень за куском рыбы, и осушил его, даже не пожелав Дживсу, как полагается, болячки на носу.

Эффект был волшебный. Опасливое предчувствие улетучилось, на его место пришло спокойное ощущение силы. Огонь заструился по жилам, и в одно мгновение Вустера – трепетную лань сменил Вустер – железная воля, иначе не скажешь. Что уж Дживс добавляет в эти свои зелья, я не знаю, но боевой дух они укрепляют чрезвычайно. Пробуждают в человеке тигра. Например, был случай, когда, приняв одну только дозу, я, стукнув кулаком по столу, сказал тете Агате, чтобы она перестала молоть вздор, может быть, даже вздор собачий, точно не помню.

– Превосходный напиток, удался вам как нельзя лучше, – похвалил я Дживса. – Жизнь среди креветок не испортила вам руку.

Но Дживс не ответил. Он словно онемел, и я увидел, как и предчувствовал, что взор его направлен в область моей верхней губы. Это был холодный укоризненный взор, каким человек обедающий, но не любящий живности в салате, мог бы посмотреть на обнаруженного в тарелке червяка. Я понял, что борьба воль, к которой я себя готовил, уже подняла свою грозную голову.

В гостиной нет зеркала, но если бы было, я бы увидел в нем сейчас старорежимного барона, собравшегося отчитать обслуживающий персонал, чтобы не лезли не в свое дело. Я сказал учтиво, но твердо – в таких делах учтивая твердость

решает все, а я сейчас, спасибо волшебному напитку, был способен на учтивость любой степени твердости:

– Что-то привлекло ваше внимание, Дживс. У меня что, нос в саже?

Он и не подумал оттаять. Бывают мгновения, когда Дживс становится удивительно похож на строгую гувернантку. И сейчас было одно из таких мгновений.

– Нет, сэр, – ответил он, – не нос, а верхняя губа. Вы ее испачкали чем-то вроде индийской похлебки.

Я равнодушно кивнул:

– Ах да, вы, верно, имеете в виду мои усы. Вот, отрастил за время вашего отсутствия. Неплохо выглядят, вы не находите?

– Нет, сэр, не нахожу.

Я увлажнил губы волшебным напитком и любезно переспросил, чувствуя на своей стороне власть и силу:

– Вам что, не нравится?

– Нет, сэр.

– Вы не находите, что они придают мне шику? Чуточку… э-э-э… как бы это выразиться?., чертовщинки?

– Нет, сэр.

– Вы меня огорчили и разочаровали, Дживс, – чрезвычайно учтиво говорю я, дважды прихлебнув из стакана. – Я бы еще мог вас понять, будь они пышные и с заостренными концами, как у фельдфебеля, – но ведь это лишь изящная полоска растительности, вроде той, что уже много лет завоевыва-

ет Дэвиду Нивену[5] восторг миллионов. Вы же не отшатываетесь в ужасе, когда видите на экране Дэвида Нивена, правда?

– Правда, сэр. Мистеру Нивену усы очень к лицу.

– А мои, значит, мне не к лицу?

– Нет, сэр.

Это было одно из таких мгновений, когда вдруг понимаешь, что единственный способ сохранить самоуважение – это пустить в ход бархатную длань в железной рукавице, вернее, наоборот. Слабость тут смерти подобна.

Ну то есть всему есть пределы, и притом достаточно четкие. Дживс преступил эти пределы на добрую милю с хвостиком.

Я первый преклоняюсь перед его авторитетом в таких вопросах, как носки, ботинки, рубашки, шляпы и галстуки, но провалиться мне, если я допущу, чтобы он лез куда не следует и вносил правку в физиономию Бертрама Вустера.

Я допил волшебный бальзам и ровным негромким голосом произнес:

– Весьма сожалею, Дживс. Я надеялся на ваше сочувствие и поддержку, но раз уж вы не способны проявить сочувствие и оказать поддержку, ничего не поделаешь. Однако будь что будет, я не отступлюсь и сохраню статус-кво – ведь это статусы-кво сохраняют, я не ошибся? Вырастить эти усы мне стоило немалых трудов и забот, и я не собираюсь теперь рубить их под корень из-за того только, что некие предубеж-

[5] Дэвид Нивен (1909–1983) – знаменитый киноактер.

денные лица (кто именно, уточнять не будем) не могут оценить вещи по достоинству. J'y suis, j'y reste[6], – прибавил я, как заправский парижанин.

После такой блистательной демонстрации силы моего духа Дживсу, естественно, ничего другого не оставалось, как только сказать «Очень хорошо, сэр» или что-нибудь еще в таком духе, но получилось так, что он даже и этого сказать не успел, поскольку едва я договорил, как у входной двери раздался звонок. Дживс удалился, мерцая, и спустя мгновение, не переставая мерцать, возвратился.

– Мистер Чеддер! – объявил он.

Следом, тяжело ступая, ввалился упомянутый Чеддер по прозвищу Сыр, которого я меньше всего ожидал, да, пожалуй, и меньше всего хотел сейчас видеть.

[6] «Здесь я нахожусь, здесь и останусь» (*фр.*) – фраза, приписываемая французскому маршалу Мак-Магону при осаде Севастополя в Крымскую войну 1855 г.

Глава 2

Не знаю, как вам, а мне присутствие некоторых людей ужасно действует на нервы: я начинаю бессмысленно хихикать, теребить узел галстука и смущенно переминаться с ноги на ногу. Одним из таких людей раньше был для меня сэр Родерик Глоссоп, знаменитый врач психов, но потом стечение обстоятельств позволило мне проникнуть сквозь отталкивающую наружную оболочку и увидеть лучшую, более нежную сторону его натуры. Другим был Дж. Уошберн Стоукер, имевший привычку, как завзятый пират, похищать людей и затаскивать их на свою яхту, да там еще над ними измываться[7]. А третий – как раз Д'Арси Чеддер по прозвищу Сыр. Поглядите на Бертрама Вустера, когда он остается с ним с глазу на глаз, и Бертрам предстанет перед вами не в самом выгодном свете.

Учитывая, что мы с ним знакомы, как говорится, вот с этаких лет, вместе учились в начальной школе, в Итоне и в Оксфорде, нам бы полагалось быть как Дамон с этим, как его, Пифиасом. Но мы не как они, совсем даже не как они. Я, когда поминаю его в разговоре, называю его «этот чертов Сыр», а он, насколько мне известно из вполне надежных источников, не упускает случая выразить удивление, что я до

[7] Имеется в виду эпизод из романа «Дживс, вы – гений!».

сих пор на воле, а не в каком-нибудь психиатрическом заведении. При личной встрече между нами возникает некоторая натянутость и то, что Дживс именует «неполной гармонией душ».

Одна из причин этого, возможно, состоит в том, что Сыр раньше служил полицейским. Он вступил в полицейские ряды сразу по окончании университета в надежде сделать карьеру и занять высокий пост в Скотленд-Ярде, сейчас так поступают многие из общих знакомых. Сыр, правда, очень скоро сложил с себя дубинку и свисток, поскольку его дядя избрал для него другую профессию, – но знаете этих легавых: они, даже сняв мундир, все равно сохраняют полицейскую манеру смотреть на человека с подозрением – мол, где вы были в ночь на пятнадцатое июня? – и всякий раз, как мы с ним где-нибудь пересечемся, он дает мне почувствовать, что я не я, а жалкий обитатель городского дна, задержанный для допроса по делу о недавнем грабеже.

Добавьте к этому, что вышеупомянутый дядя Сыра зарабатывает на жизнь в должности судьи в одном из лондонских полицейских судов, и вам станет ясно, почему я стараюсь его избегать и по возможности обходить стороной. Здравомыслящего человека не привлекает общество бывшего фараона, у которого еще вдобавок в жилах течет судейская кровь.

Так что, когда я поднялся ему навстречу, в моем обхождении можно было бы, присмотревшись, прочесть немой вопрос: чему, мол, обязан честью? Мне и вправду было

непонятно, с чего это он надумал нарушать неприкосновенность моего жилища, а нарушив, остался стоять как вкопанный, устремив на меня строгий укоризненный взгляд, словно один мой вид уже оскорбляет его лучшие чувства. Как будто я какой-то подонок, которого он застиг на месте преступления при продаже другому подонку нескольких унций кокаина.

– Хо! – произнес он, и одного этого возгласа было бы достаточно, чтобы доказать присутствующим, если бы они были, что он прослужил какое-то время в полицейских рядах. Первое, чему денежные мешки обучают своих защитников, – это восклицанию «Хо!». – Я так и думал, – продолжал он, насупив брови. – Накачиваешься коктейлями, а?

При обычных обстоятельствах я бы сейчас, конечно, начал нервно хихикать, теребить узел галстука и переминаться с ноги на ногу. Но недаром у меня в желудке еще бурлили две порции Дживсова напитка, оказывая мощное действие: я не только не дрогнул – у меня даже хватило духу одернуть Сыра и поставить его на место.

– Не понимаю вас, милейший, – холодно проговорил я. – Поправьте, если я ошибаюсь, но, по-моему, именно в это время английскому джентльмену, согласно традиции, полагается опрокинуть стаканчик. Хотите присоединиться?

Сыр скривил рот. Эти полицейские, с ними и так общаться неприятно, могли бы хоть рот не кривить.

– Нет, не хочу, – ответил он коротко и нагло. – Я своему

здоровью вредить не собираюсь. Думаешь, как эти стаканчики влияют на глазомер и твердость руки? Может ли человек выбивать дубли, если он глушит себя крепкими напитками? Одно горе.

Тут мне все стало ясно: Сыр волнуется из-за первенства по «Летучим дротикам».

Ежегодные состязания по «Летучим дротикам» – одно из самых значительных спортивных событий у нас в клубе «Трутни». В сердцах сочленов пробуждается спортивный дух, все толпой ломятся в зал и, не скупясь, по десятке покупают билеты, так что в банке собираются колоссальные суммы. На этот раз билет с моим именем вытянул Сыр, а так как прошлогодний чемпион Хорас Пендлбери-Дейвенпорт ни с того ни с сего вдруг взял да женился и по настоянию жены вышел из членов клуба, а вторым в прошлом году был я, мой предстоящий выигрыш на этот раз ни у кого не вызывал сомнений. «Вустер – чистый верняк, – передавалось из уст в уста. – Он бросает, как юный бог».

Поэтому понятно, что Сыр, которому в случае удачи светило отхватить куш в пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов, считал теперь своей главной заботой в жизни, чтобы я был в наилучшей спортивной форме. Понятно-то понятно, но от этого мне терпеть его заботу было не легче. С той минуты, как он прочел на своем билете фамилию «Вустер» и узнал, что я фаворит состязаний, он стал обращаться со мной как воспитатель в исправительном заведе-

нии для малолетних преступников, которому поручено следить за самым многообещающим из молодых дарований. Он завел привычку возникать в клубе у моего столика, принюхиваться и устремлять на меня укоризненный взор, сопровождая его свистящим вздохом негодования. И вот теперь то же самое он проделывал у меня в доме. Это похуже, чем снова оказаться ребенком в костюмчике маленького лорда Фаунтлероя и при локончиках, рядом с неотступно бдительной, зоркой няней, не спускающей с тебя ястребиных глаз.

Я уже собрался было высказать ему свое неудовольствие в связи с этими преследованиями, но Сыр продолжил в прежнем наступательном духе.

– Я пришел к тебе, Вустер, для серьезного разговора, – произнес он, свирепо нахмурив брови. – Меня поражает твое легкомысленное и наплевательское отношение к предстоящему турниру. Ты не прилагаешь ни малейших стараний, чтобы обеспечить себе победу, когда придет решающий день. Старая история. Ты слишком самоуверен. Клубные болваны нашептали тебе, что ты непременно выиграешь, ты и рот разинул. Так вот, имей в виду, что напрасно тебе все представляется в таком розовом свете. Я сегодня заезжал в клуб, и там у доски тренировался Фредди Уиджен, да так здорово, что у всех присутствовавших глаза на лоб полезли. Меткость потрясающая.

Я отмахнулся и выше вскинул голову. Можно даже сказать, что я взвился на дыбы. Уж очень больно он ранил мое

самолюбие.

– Тю! – презрительно произнес я.

– Что-что?

– Я сказал «Тю!» по адресу Фредди Уиджена. Знаю я, что он собой представляет. Любит покрасоваться, но стабильности никакой. Фредди будет ничтожнее пыли под колесами моей колесницы[8].

– Это по-твоему. Ты слишком самоуверен, как я уже сказал. Фредди очень опасный соперник, можешь мне поверить. Я узнал, что он уже несколько недель соблюдает строгий режим и усиленно тренируется. Бросил курить. По утрам принимает холодные ванны. А ты вот принимал сегодня утром холодную ванну?

– Еще чего. А горячий кран, по-твоему, зачем?

– Делаешь перед завтраком шведскую гимнастику?

– Да никогда в жизни. Я считаю, пусть шведы сами делают свою гимнастику.

– То-то и оно, – горько вздохнул Сыр. – А ты только и знаешь, что шуметь, пьянствовать да объедаться. Мне сказали, что ты вчера был на пирушке у Китекэта Поттера-Перебрайта. Небось притащился домой в четвертом часу, перебудив пьяным гоготом весь квартал.

Я в негодовании вздернул бровь. Полицейское преследование становилось невыносимым.

---

[8] Перифраза строки из стихотворения Лоренс Хоуп «Ничтожнее пыли под колесами твоей колесницы».

– Вы что же, констебль, хотите, чтобы я не участвовал в проводах моего друга детства, который через день или два отбывает в Голливуд и, возможно, на протяжении многих лет будет отрезан от цивилизации? Китекэт был бы ранен в самое сердце, если бы я манкировал. И час был не четвертый, а всего половина третьего.

– Ты там пил?

– Отхлебнул какой-то пустячный глоточек.

– А курил?

– Выкурил одну пустячную сигару.

– Не верю. Держу пари, – грозно произнес Сыр и еще свирепее нахмурил брови, – что на самом деле ты пал ниже твари полевой, на самом деле ты там вчера буянил, как матрос в марсельской харчевне, а судя по тому, что сейчас у тебя на шее болтается белая бабочка, а брюхо стягивает белый жилет, ты опять намылился ехать на очередную безобразную оргию.

Я беззвучно горестно рассмеялся, как я умею:

– Оргию, как бы не так! Я сегодня угощаю ужином знакомых моей тетки Далии, и она меня строжайше предупредила, чтобы я даже не помышлял о выпивке, потому что мои гости – люди из принципа непьющие, и наполнять пиршественную чашу придется лишь лимонадом, оранжадом или ячменным отваром. Вот и вся твоя безобразная оргия.

Это известие, как я и ожидал, подействовало на Сыра пацифически, если можно так сказать. Он не сделался добро-

душным, это было выше его возможностей, но подобрел, насколько мог. Он даже почти улыбнулся.

– Отлично, – сказал он. – Превосходно.

– Рад доставить тебе удовольствие. Ну ладно. Пока.

– Совершенно непьющие, а? Да, это замечательно. Но смотри, не ешь жирного и острого и обязательно пораньше ложись спать. Что ты сказал?

– Я сказал: «Пока». Ты ведь, конечно, торопишься?

– Я никуда не тороплюсь. – Он посмотрел на часы. – Почему, черт возьми, женщины всегда опаздывают? – В его голосе послышалось раздражение. – Ей уже давно пора быть здесь. Я ей сто раз повторил, что дядя Джо особенно свирепеет, если его заставляют дожидаться супа.

Неожиданное вторжение женского мотива меня озадачило.

– Кто это «она»?

– Флоренс. Мы с ней должны встретиться у тебя. И поедем ужинать к моему дяде.

– Понял. Ну что ж. Значит, среди нас с минуты на минуту появится Флоренс? Великолепно, великолепно.

Я произнес эти слова с чувством, стараясь добавить в нашу беседу немного тепла. И сразу же пожалел об этом, потому что Сыр задергался, затрясся, как паркинсоник, и устремил на меня пронизывающий взгляд. Я понял, что мы вступили на опасную почву. И без того деликатная ситуация заметно осложнилась.

Одной из причин, затрудняющих поддержание между мною и Дж. Д'Арси Чеддером безоблачно дружеских отношений, является то обстоятельство, что сравнительно недавно меня угораздило затесаться в его любовные дела. Однажды, разозлившись на какое-то его насмешливое замечание насчет современной просвещенной мысли, при том, что к современной просвещенной мысли она питает самую страстную привязанность, его нареченная Флоренс моментально дала ему отставку и – совершенно не по моей вине, просто ей так захотелось – взяла и обручилась со мной. Из-за этого Сыр, человек вулканических страстей, во всеуслышание выразил намерение разорвать меня на куски и сплясать чечетку на моих останках. А также растереть мне рожу в гоголь-моголь и размазать в виде масла по всему Вест-Энду.

По счастью, до этой ужасной крайности дело не дошло, так как любовь успела вернуться к исполнению своих обязанностей, моя кандидатура была вычеркнута и опасность миновала, но Сыр так до конца и не изжил последствия этого тягостного переживания. Зеленоглазое чудовище постоянно обреталось у него под рукой, готовое по первому знаку включиться в работу, и я у него проходил под рубрикой «змеи подколодной, за которой нужен глаз да глаз».

Так что, хоть мне и было немного не по себе, но меня не удивил ни его пронизывающий взгляд, ни сиплый рык, похожий на ворчание бенгальского тигра над телом поселянина, которым он намерен позавтракать.

– Что значит – великолепно? Тебе так не терпится с ней увидеться?

Вижу, тут требуется действовать тактично.

– Не то что не терпится, – говорю. – Это слишком сильно сказано. Но мне хочется услышать ее мнение по поводу вот моих усов. Она девица со вкусом, и я готов подчиниться ее суду. Как раз перед твоим приходом Дживс подверг их сокрушительной критике, и я немного засомневался. А кстати, что ты думаешь о моих усах?

– Я считаю, что это уродство.

– Уродство?

– Безобразие. Ты похож с ними на хориста из бродячей труппы. Так Дживсу, ты говоришь, они не нравятся?

– Похоже, что нет.

– Значит, ты их сбреешь? Слава Богу.

Я насторожился. Я решительно возражаю против распространенного в кругу моих знакомых мнения, будто я в моем доме играю подчиненную роль и вообще что Дживс скажет, то и делаю.

– Только через мой труп! Они останутся там, где растут. А Дживсу – фига, если позволительно так выразиться.

Сыр пожал плечами:

– Дело твое. Если ты не против служить всеобщим пугалом…

Я насторожился еще больше:

– Ты сказал – пугалом?

– Именно.

– Ах вот, значит, как? – парировал я, и, если бы на этом месте нас не прервали, возможно, что дальнейшее объяснение между нами приняло бы более острый оборот – ведь я все еще находился под действием волшебного напитка и не склонен был терпеть дерзости. Но не успел я сказать ему, что он тупица и осел, неспособный оценить красоту и своеобразие, даже если ему преподнести их на шампуре, как раздался звонок в дверь, и Дживс объявил о приходе Флоренс.

Глава 3

Мне сейчас пришло в голову, что, набрасывая, если помните, в самом начале этого повествования портрет Флоренс Крэй, я, кажется, допустил ошибку, и вы получили о ней не совсем верное представление. Узнав, что она девица образованная, пишет романы и водит дружбу с высоколобыми обитателями Блумсбери, вы, наверно, представили себе ее в виде пухлой коротышки с чернильной кляксой на подбородке, как сейчас модно у интеллигенции женского пола.

Но это очень далеко от истины. Она девушка рослая, стройная, красивая, у нее потрясающий профиль и пышные платиново-белокурые волосы, с такой внешностью вполне можно было бы претендовать на место первой звезды в гареме какого-нибудь султана из высшего класса. Я знал крепких мужчин, которых с первого взгляда сражала ее красота, а заезжие американцы почти всегда провожают ее одобрительным свистом, стоит ей выйти из дому на прогулку.

Она жизнерадостно влетела в гостиную, вся разодетая в пух и прах, но Сыр при ее появлении холодно посмотрел на часы.

– Наконец-то, – произнес он хамским тоном. – Я вас давно жду. Очевидно, вы забыли, что с дядей Джо случается родимчик, если его заставят дожидаться супа.

Я ожидал, что сейчас ему достанется за этот тон, так как

Флоренс, я знал, девица с норовом. Но она пропустила его упрек мимо ушей, и я увидел, что ее блестящие карие глаза направлены на меня, притом с каким-то странно восторженным выражением. Может быть, вам случалось видеть, как девочки подросткового возраста взирают в кинотеатре на Хамфри Богарта? Так вот, нечто подобное было в обращенном на меня взоре Флоренс. Ну, прямо картина «Душа пробуждается», если вы знаете, что я имею в виду.

– Берти! – взвизгнула она, затрепетав вся от бушприта до кормы. – Усы! Какая прелесть! Что же вы столько лет прятали их от нас? Это изумительно. Они придают вам шикарный вид. Совершенно другой человек.

На злосчастную растительность у меня под носом за последнее время было выплеснуто столько беспросветной хулы, что, казалось бы, эти девичьи восторги должны были бы согреть мне душу. Конечно, живешь, как говорится, ради искусства, а хвала и клевета публики – это дело десятое, и так далее, но все-таки приятно обзавестись одобрительным отзывом, который можно наклеить к себе в альбом, – вы согласны? Однако же я остался холоден, особенно в области пяток. Глаза мои сами собой скосились на Сыра – я хотел проверить, как он к этой хвале относится, и с тревогой убедился, что относится он довольно плохо.

Досада – вот слово, которое вертелось у меня на языке. Сыра явно разбирала досада, словно он за обедом в ресторане раскусил тухлую устрицу. И честно сказать, я его не ви-

ню. Когда любимая девушка у тебя на глазах ласково треплет по щеке другого мужчину, да еще пожирает его вытаращенными от восторга глазами, всякий жених от такого зрелища может взбелениться. А Сыр, как я уже говорил, даст фору любому Отелло.

Было ясно, что надо немедленно принимать меры, иначе разбушуются жуткие страсти, поэтому я поспешил перевести разговор на другую тему.

– Расскажи-ка мне, Сыр, подробнее про своего дядю, – попросил я. – Он, значит, любит супы? Неравнодушен к бульонам?

Но Сыр только фыркнул в ответ, как боров, недовольный своим рационом, и я еще раз сменил тему.

– А что слышно с вашей «Спинолой»? – обратился я к Флоренс. – По-прежнему идет нарасхват?

Тут я попал в точку. Флоренс просияла:

– Да, успех огромный. Готовят второе издание.

– Замечательно.

– А вы знаете, что ее переработали в пьесу?

– Вот как? Ах да. Слышал.

– Вы знакомы с Перси Горринджем?

Я поморщился. Поскольку в мои планы входило до наступления вечера нанести Перси жестокий удар решительным и безоговорочным отказом, я предпочел бы пока о нем не поминать. Я ответил, что имя вроде бы знакомое, возможно, где-то в связи с чем-то я его слыхал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.